

MONGOLICA-VI

Посвящается 150-летию
со дня рождения А. М. Позднеева

Составитель И. В. Кульганек

Санкт-Петербург

2003

УДК 951.93
ББК ТЗ(5Мо)

Ответственный редактор

С. Г. Кляшторный

Редакционная коллегия

Н. С. Яхонтова, С. Д. Дмитриев, И. В. Кульганек

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
Проект 02-04-16155д

Mongolica-VI: Сб. ст. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. — 160 с.

М 77

Сборник посвящен 150-летию со дня рождения видного российского монголоведа, профессора кафедры монгольской словесности восточного факультета Санкт-Петербургского Государственного Университета, а позже, в течение 20-ти лет, — директора Восточного института во Владивостоке, — Алексея Матвеевича Позднеева (1851—1920), оставившего большое научное наследие, подготовившего плеяду своих последователей монголоведов: историков, филологов, лингвистов, литературоведов.

В этом сборнике представлены статьи, главным образом петербургских и московских ученых, по проблемам, которые занимали А. М. Позднеева в разные этапы его научной деятельности.

В них развиты мысли, углублены гипотезы, предположения, наблюдения и выводы, высказанные ученым в своих трудах, посвященных истории, этнографии, религии монгольских народов.

«Монголика-6» имеет 4 раздела: «Источниковедение и историография», «Из рукописного наследия», «Литературоведение и фольклористика», «Из архива востоковедов», «Наши переводы».

Сборник статей рассчитан на специалистов-монголоведов, историков науки, культурологов и всех, интересующихся историей России и Центральной Азии.

Корректор — *А. Востоковедова*

Технический редактор — *М. В. Вялкина*. Выпускающий — *О. И. Трофимова*

Макет подготовлен издательством «Петербургское Востоковедение»
191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18

Подписано в печать 20.05. 2003. Формат 60×90 1/8. Гарнитура основного текста «Times New Roman». Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем 20 печ. л. Тираж 500 экз. Заказ № 1032

Отпечатано с готовых диапозитивов в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Перепечатка данного издания, а равно отдельных его частей запрещена. Любое использование материалов данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издательства.

No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval systems or transmitted in any form or by any means: electronic, magnetic tape, mechanical, photocopying, recording or otherwise without permission in writing form of the publishing house.

ISBN 5-85803-250-8

9 785858 1032502

© Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН, 2003

© И. В. Кульганек, составление, 2003

© «Петербургское Востоковедение», 2003

Зарегистрированная торговая марка

Содержание

<i>И. В. Кульганек</i>	Предисловие	5
<u><i>Н. П. Шастина</i></u>	А. М. Позднеев. (Подготовка к печати, примечания <i>А. Г. Сазыкина</i>)	7
<i>В. Л. Успенский</i>	Монгольские, ойратские и тибетские рукописи и ксилографы, поступившие в Санкт-Петербургский университет от А. М. Позднеева	19
<i>И. В. Кульганек</i>	Фонд А. М. Позднеева в Архиве востоковедов при СПбФ ИВ РАН	24
<u><i>И. И. Йоршиш</i></u>	Важнейшие события жизни и деятельности А. М. Позднеева	26

Источниковедение и историография

<i>П. О. Рыкин</i>	Монгольская концепция родства как фактор отношений с русскими князьями: социальные практики и культурный контекст.	28
<i>Е. Н. Афонина</i>	К оценке политики тумэтского Алтан-хана (1507—1581)	39
<i>С. В. Дмитриев</i>	Атызы Йоллыг-тегин. Этнод из области тюрко-монгольской традиционной политической культуры	48
<i>В. Н. Митин</i>	Некоторые вопросы деятельности Монгольской комиссии АН СССР в 1941—1953 гг.	55
<i>А. Г. Юрченко</i>	Монгольская мужская прическа XIII века	63
<i>А. А. Бурыкин,</i> <i>О. Ю. Коробейникова</i>	Слова «калмык», «калмыцкий» в русском языке XVIII века	69

Из рукописного наследия

<i>А. Г. Сазыкин</i>	Ойратская версия «Манджушри нама сангити»	73
----------------------	---	----

Литературоведение и фольклористика

<i>Б. М. Нармаев</i>	Гесар и ад	82
<i>А. Д. Цендина</i>	Куда исчез Джамуха?	86
<i>Л. Г. Скородумова</i>	Особенности беллетризации в современной монгольской литературе	91
<i>В. К. Шивлянова</i>	Два варианта монгольской народной охотничьей песни	94

Из архива востоковедов

	Письма В. А. Казакевича к В. Л. Котвичу (1925—1936 годы). (Подготовка к печати, предисловие и примечания <i>А. М. Решетова</i>)	96
<i>А. Г. Юрченко</i>	История изучения «Книги о Тартарах» Иоанна де Плано Карпини	114
<i>Я. П. Шишмарев</i>	Письма Я. П. Шишмарева к Н. М. Пржевальскую. (Подготовка к печати и примечания <i>А. И. Андреева</i>)	118
<i>С. А. Кондратьев</i>	Стихи о Монголии. (Предисловие <i>И. В. Кульганек</i>)	124

Наши переводы

<i>Л. Дашням</i>	Сон (рассказ), Четыре времени года и одно чувство (стихотворение). (Перевод с монгольского <i>Л. Скородумовой</i>)	135
<i>Д. Батбаяр</i>	Небо любимой (рассказ), прозаические миниатюры, афоризмы. (Перевод с монгольского <i>М. П. Петровой</i>)	137
	Монгольские народные песни. (Перевод с монгольского <i>И. В. Кульганек</i>)	142
<i>А. И. Андреев</i>	Открытие музея <i>П. К. Козлова</i>	144
	Рецензии	146

РЕЦЕНЗИИ

К. Н. Яцковская. Поэты Монголии XX в.

М.: Экслибрис-Пресс. 2002. 248 с.

Автор книги Клара Николаевна Яцковская — монголовед-филолог, фольклорист, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва), автор монографий «Сто песен дархата Г. Давааджия» (М., 1978). «Народные песни монголов» (М., 1988) и более 100 научных трудов по истории монгольской литературы и истории науки. Новая книга К. Н. Яцковской посвящена жизни и творчеству трех поэтов Монголии, которые по праву считаются основоположниками новой монгольской литературы, — Д. Нацагдоржу (1906—1937), Ц. Дамдинсурэну (1908—1986), М. Цэдэндоржу (1932—1982).

Очерк о Д. Нацагдорже является переработкой, дополнением и продолжением монографии «Дашдоржийн Нацагдорж. Жизнь и творчество», изданной автором в 1974 г. Очерки о двух других поэтах публикуются впервые. Каждый раздел книги снабжен обширными примечаниями.

Как считает автор, всех трех писателей объединяет одна общая черта: они «не замкнулись в круге восточной словесности», «в их творчестве видна большая эрудиция, знакомство с мировой культурой, любовь к русской литературе». Созданные ими произведения подтверждают мнение, признанное в монголистике, о восприимчивом и воспроизводящем характере монгольского культурного феномена.

Каждый очерк представляет собой пространное, законченное композиционно и по содержанию в нем материалу эссе о жизни и деятельности писателя. Рассказывая о пройденном творческом пути поэтов, автор использует весь материал, уже получивший когда-либо освещение в монгольской печати. Кроме того, К. Н. Яцковская провела большую изыскательскую работу. Личные встречи, переписка с родственниками,

коллегами, знакомыми и людьми, волею случая пришедшими в соприкосновение с этими выдающимися личностями Монголии, — все послужило дополнительными источниками, которые были глубоко проработаны и бережно использованы в монографии.

Биография каждого из поэтов содержит новые интересные данные, дополняющие психологический портрет, раскрывающие и объясняющие обстоятельства их жизни. Эти главы отличает желание автора понять причины, сформировавшие их жизненные концепции, установки, повлиявшие в конечном итоге на их судьбы.

Биографии писателей даются в контексте общественной и литературной жизни Монголии того периода — времени удивительно насыщенного и во многом противоречивого. Создание Монгольского Ученого комитета, писательского кружка, а затем — Монгольской ассоциации революционных писателей, работа Народного дома — эти и другие события общественной жизни столицы оказали большое влияние на духовную атмосферу монгольского общества, на формирование монгольской интеллигенции, к которой принадлежали Д. Нацагдорж, Ц. Дамдинсурэн, М. Цэдэндорж.

20-е годы XX в. — это время больших организаторских и творческих задач, планов свершений в духовной и литературной жизни монгольского общества. Задумывалось и осуществлялось громадное количество мероприятий, таких как «организация литературных кружков, выпуск ярких стенных газет, проведение литературных вечеров, диспутов, издание первых литературных альманахов и художественных журналов, выступление писателей со своими произведениями в клубах, красных уголках, школах...»

Автор пишет, что это время было для Д. Нацагдоржа и Ц. Дамдинсурэна периодом знакомства с русской (а для Нацагдоржа еще и с немецкой) культурой и литературой. В эти годы ими были написаны произведения, ставшие впоследствии классикой монгольской литературы. Рассказывается и о трудных периодах в жизни каждого писателя: безвинные аресты, годы репрессий. Их судьбы — отражение пути, по которому шла страна в XX веке.

Говоря о судьбе страны, К. Н. Яцковская замечает, что «воспитание сопротивления бедам, стойкости к трудностям были необходимыми качествами для любого человека в Монголии того периода, тем более — для незаурядных, образованных личностей», тоньше чувствующих, глубже видящих, ярче воспринимающих, чем остальные.

Автор дает характеристику и проводит литературоведческий анализ ставших хрестоматийными произведений, которые отличает особенно высокое художественное мастерство. Это цикл стихов Д. Нацагдоржа, написанный им в тюрьме, его стихи «Удивительно», «Мы вдвоем», «Моя мама», «Моя Родина», «Четыре времени года». Из стихов Ц. Дамдинсурэна автор выделяет лучшие его произведения: поэму «Моя седая мама», стихи «Любовь», «Милые глаза», «Полярная звезда», «Послание Советскому народу», «Керулен», «Зов Родины» и др. К. Н. Яцковская щедро цитирует произведения, предлагая их в оригинале с собственными подстрочниками и в переводах, выполненных русскими поэтами.

Творчество этих писателей, уверен автор, «стало знаменательным явлением в новой монгольской литературе», оно открыло новые пути развития поэзии и литературы в отношении содержания и формы. Д. Нацагдорж и Ц. Дамдинсурэн, будучи начитанными в русской и европейской литературе, оставили значительные по объему и блестящие по качеству образцы переводов, главным образом с русского языка, что обогатило монгольскую поэзию и продемонстрировало замечательные возможности монгольского стиха.

Чем большая дистанция отделяет фигуру Д. Нацагдоржа от горячих 20—30-х годов прошлого века, «тем отчетливее виден его талант, которым он одарил своих потомков, подготовив, определив поиски современных монгольских писателей». Ц. Дамдинсурэн, проживший долгую, активную, творчески наполненную жизнь писателя, ученого-филолога: литературоведа, текстолога, археографиста, оставил также большое художественное и научное наследие, являющееся ценной сокровищницей монгольской духовности и вкладом в изучение тибетской и монгольской литератур.

Органичным продолжением этих двух очерков является эссе о поэте середины XX в. — М. Цэдэндорже, которого связывало с предшественниками такое же фольклорное начало в поэтическом творчестве,

любовь к народной словесности, к монгольскому слову, живой литературе. Его произведения проникнуты любовью к родной земле, природе. Внутренняя культура, достоинство и благородство отличали творчество М. Цэдэндоржа в его ранних стихах, таких как «Седая матушка моя», «Конь желаний», в его переводах стихов Лермонтова, Есенина и в более поздней поэме «Седой дуб». Анализируя идейную сторону первой большой его книги «Девять желаний» и более поздней — «Радость живых», автор убедительно показывает, что через все его творчество проходит лейтмотив: «человек не временный гость на земле, а часть ее в общем едином целом».

М. Цэдэндорж, как и Д. Нацагдорж и Ц. Дамдинсурэн, «старается по мере своих сил вернуть культурные ценности народу». Проявлением чувства гражданского долга хранить и продолжать традиции национальной культуры можно расценивать и обращение поэта к значимой для монголов и замалчиваемой в те годы теме: деятельность и роль Чингис-хана в объединении Монголии. Смелым шагом было также его деятельное участие в подготовке первой выставки буддийской скульптуры. Внимание к старой национальной культуре было не популярно в тогдашней Монголии.

Для всех трех поэтов характерна бурная организаторская деятельность в литературе. М. Цэдэндорж, кроме того, что был литературным сотрудником, корреспондентом, заведующим отделом поэзии газеты «Соел утга зохиол» («Культура, литература»), проводил еще и большую разнообразную работу, связанную с публикацией произведений монгольских поэтов, с информацией о литературной жизни в стране. Он вел на страницах газеты календарь памятных дат в истории культуры, представлял мировую поэзию, освещал пребывание в Монголии иностранных писателей.

М. Цэдэндорж оставил щедрое наследие: 10 собственных и 10 переведенных книг, в которых ярко проявился талант тонкого лирика, зовущего к «действительной свободе».

Книга К. Н. Яцковской это не просто монография о жизни и творчестве трех писателей. Автор прекрасно владеет материалом, тонко разбирается в литературной жизни Монголии XX в., которая тесно переплетается с политическими и социальными процессами страны. Личные контакты в сочетании с прекрасным знанием реалий, обычаев народа, любовь к изучаемой стране, которая ощущается в каждой странице повествования, знание современной монгольской литературы, высокий общий научно-теоретический литературоведческий уровень позволили К. Н. Яцковской создать эту интереснейшую книгу о судьбах трех знаменитых поэтов Монголии и показать их жизнь на фоне процессов, проходивших в стране в столь сложное время.

И. В. Кульганек

И. В. Кульганек. Мир монгольской народной песни

Петербургское востоковедение. СПб., 2001. 224 с.

Работа И. В. Кульганек посвящена актуальной для отечественного, зарубежного и монгольского монголоведения теме — музыкально-поэтическому творчеству монголов. Эта тема давно уже представляет научный интерес для всего монголоведного мира.

Благодаря изучению генетических и структурных особенностей монгольской народной песни устанавливается связь песни с иными фольклорными жанрами, речевой спецификой монгольского языка, воздействием этнокультурного фактора. В центре книги — философия музыкально-поэтического восприятия мира монголов и его взаимодействие с ним.

В монографию введены собственные наблюдения и записи автора во время фольклорной экспедиции по северо-западному району Монголии. Основным материалом являются не введенные ранее в научный оборот сборники монгольских песен и песенные материалы Отдела восточных рукописей и редких документов СПбФ ИВ РАН и Архива востоковедов при СПбФ ИВ РАН.

Автором составлены два каталога песенных материалов, находящихся в этих собраниях: в рукописном отделе выявлено 46 рукописей, включающих монгольские, бурятские и калмыцкие песни, и в Архиве востоковедов в 27 фондах было обнаружено более тысячи записей народных песен монголов.

Основная часть работы посвящена анализу образной системы монгольских народных песен. В ней рассматриваются наиболее типичные образы главных героев лирических песен, ассоциативная связь образов, основные принципы монгольской поэзии — смысловой и синтаксический параллелизм. Отдельные главы посвящены эпитету в песенной поэзии, ритмофоническим приемам, используемым монгольскими поэтами, связи вербального и музыкального начал в монгольском песенном фольклоре.

Композиция книги включает три части: первая часть рассказывает о бытовании музыкального фольклора в современной Монголии, передает атмосферу, в которой продолжает существовать и развиваться тра-

диционная монгольская песня. Центральным звеном является анализ особенностей традиционного мировоззрения монголов. Вторая часть посвящена исследованию поэтической системы монгольской песни, и третья («Приложение») включает вспомогательные материалы: транскрипцию одного из песенников, карту народностей Кобдоского аймака Монголии — региона экспедиционной работы исследователя, примеры нотации. Главными материалами в приложении являются каталоги рукописных песенных сборников из рукописного фонда СПбФ ИВ РАН и песенных материалов Архива востоковедов при СПбФ ИВ РАН.

В монографии представлены переводы монгольских народных песен, выполненные автором. В них сделана попытка использования анафорической аллитерации, являющейся основным художественным приемом монгольской народной поэзии.

Мировосприятие монгольского народа, отмечено в монографии, вобрало в себя синтез китайского, тибетского культурных пластов, именно это обусловило определенные детали художественного языка песни. Главные вопросы, затрагиваемые в работе, посвящены ассоциативному принципу составления сборников, специфике письменной фиксации фольклора у монголов, единичному, эмоциональному заряду песни, статичности главного героя, возможности классификации песен в зависимости от преобладающего в них настроения, обобщающей функции эпитета. Одна из глав монографии дает также представление о звучащей стороне монгольских народных песен.

Наиболее характерными особенностями монгольской народной песни, считает автор, является широкая поэтическая обобщенность, типизированность и символичность поэтических образов. В основе превращения образа в символ всегда лежит переосмысленная и преобразованная действительность. В зависимости от эмоциональной нагрузки песни один и тот же образ может быть символом разных реалий.

М. П. Петрова

А. А. Бурькин. Малые жанры эвенского фольклора

Загадки, пословицы и поговорки, запреты-обереги, обычаи и предписания, приметы (исследование и тексты)

Петербургское востоковедение. СПб., 2001. 288 с.

Данная работа представляет собой исследование малых жанров эвенского фольклора. В монографии автор рассматривает историю собирания, изучения, публикации образцов фольклора эвенков в 30—90-х годах XX в. Это начальный период научного изучения и профессиональной собирательской работы. Он связан с именем В. Г. Тана-Богораза, публикация материалов которого по фольклору эвенков Колымы и Омолона увидела свет в 1931 г. и ознаменовала собой новый этап в изучении эвенского фольклора. В течение нескольких десятилетий малочисленность изданий не позволяла приступить к научному изучению его, так как не могла дать полного представления о богатстве устного народного творчества эвенков.

1950—1970-е годы, считает автор, «оказались по существу потерянными для изучения эвенского фольклора», причина чего, возможно, находится в недооценке образцов фольклора народов Севера и роли традиционной культуры в духовной их жизни. В данной работе представлена довольно репрезентативная жанрово-сюжетная антология фольклорных текстов, большая часть которой собрана автором книги у эвенков Магаданской области Хабаровского края, Камчатки и Якутии, куда он выезжал более десяти раз в экспедиции, командировки и записывал образцы разных жанров. Значительная часть текстов впервые публикуется в переводе на русский язык. Ряд образцов подвергнут филологической обработке и публикуется в графике, принятой для современного эвенского письменного языка. Тексты снабжены комментариями о вариантах, исполнителях, собирателях, времени, месте собирания.

Представленное собрание малых жанров эвенского фольклора объединяет все доступные на сегодняшний день тексты. Оно дает, как считает автор монографии, возможность приступить к научным исследованиям текстов в лингвистическом, этнографическом, литературоведческом направлениях. Кроме того, настоящее издание включает, кроме полевых материалов автора, извлечения из малодоступных изданий 30—60-х годов прошлого века, местных изданий на эвенском языке, собранных в XIX в.—первой трети XX в. Автор ставит цель: «сохранить наследие предков для современных представителей эвенского народа, придать ему особый престиж и ценность памятника духовной культуры, преподнести образцы словесного искусства этноса и результаты труда ученых в дар будущим поколениям».

А. А. Бурькин исследует проблемы жанровой классификации, бытования, характеристики языка, поэтику малых жанров эвенского фольклора, дает также «предварительный экскурс с освещением параллелей к образцам афористических жанров фольклора эвенков

в устном творчестве других народов Сибири и Крайнего Северо-Востока».

Автор исследует: загадки, пословицы и поговорки, запреты-обереги, обычаи, установления, предписания, приметы.

В работе представлено 516 образцов загадок, которые прежние собиратели помещали в особую группу, называя их «эвенские старинные загадки», суть которых, по мнению автора, состоит в том, что они являются «своеобразными фразеологизованными наименованиями, даваемыми не столько собственно объектам, сколько объектам с конкретными свойствами или определенными ситуациями, требующими предикативного обозначения». Классификация загадок включает 5 разделов: природа, животные, части тела человека и животных, промысловый инвентарь и предметы домашнего обихода, новые загадки. Наблюдая за спецификой расположения сохранившихся повторных записей загадок и их вариантов в поздних, явно самостоятельных подборках загадок для изданий 30-х, 50-х, 80-х годов, автор впервые поднимает вопрос о воздействии опубликованных загадок на устную традицию их бытования. Исследователь выявляет при этом «воздействие русскоязычных печатных текстов на бытование традиционных фольклорных жанров сильнее, нежели воздействие текстов, опубликованных на родном языке».

В работе исследуются вариативность текста загадок, формулы загадок, лексика, диалектные синтаксические нормы, экзотизмы, диалектизмы и региональные заимствования.

Характеризуя язык загадок в целом, автор пишет, что «синонимия — самое характерное для языка загадок явление». Далее А. А. Бурькин замечает, что именно загадки представляют собой «единственный из афористических жанров эвенского фольклора, в котором значимую роль играет особое фонетическое оформление текста: аллитерация, повтор однокоренных слов, использование увеличительных и уменьшительных суффиксов как выделительных, синтаксический и фразовый параллелизм».

В данной работе автор приводит параллели к загадкам эвенков в образцах устного творчества эвенков, орочей, негидальцев, удегейцев, ороков, коряков, юкагиров, старожильческого русского населения Восточной Сибири.

Появление пословиц у эвенков может быть связано с влиянием якутского фольклора. В настоящее время наибольшее количество пословиц, записанное у Е. Н. Боковой в книге «Душа эвенка», которую автор использует как самый репрезентативный источник этого жанра, — 509. Смысл некоторых из них определяется с большим трудом, констатирует автор. Посло-

вицы распределяются им по 18 тематическим группам в соответствии с классификацией В. И. Даля в работе «Пословицы русского народа» (М., 1958 г.). Недоступность смысла некоторых из них вызывает озабоченность еще и тем, что смысл пословиц доминирует над формой.

Из особенностей формальной поэтики отмечаются: сравнение, противопоставление, аллитерация, грамматические рифмы.

Жанр запретов-оберегов в эвенском фольклоре выявлен учеными-фольклористами в 60-е годы XX в. Их насчитывается 120 образцов, подразделены они на 10 тематических групп. Они могут быть связаны с религиозными представлениями о духах-хозяевах, с живой природой, могут относиться к жилищу, предметам домашнего обихода, к человеку, к общению людей, беременности, выражению чувств и эмоций, представлениям о мире мертвых, к использованию различных языковых средств, т. е. словесным табу. Автор выделяет при этом два классификационных признака — группировку запретов по материальным объектам запретов, которая имеет тематический характер и является соотносимой с разными сферами деятельности человека, и характеристику последствий нарушения запретов.

В работе говорится также о структуре запретов-оберегов, представляющей собой формулу в виде отрицательной, чаще всего императивной (реже — индикативной) конструкции.

Особый жанр эвенского фольклора представляют обычаи, установления, предписания. Этот жанр ранее не выделялся, и практически он не обнаруживает формальных признаков для выделения в отдельную

жанровую группу. Бывает не так легко отличить его образцы от запретов-оберегов.

А. А. Бурыкин также признает, что «существует относительная жанровая неопределенность текстов, отнесенных к группе обычаев и предписаний», она выражается в том, что собиратели нередко относили тексты обычаев и предписаний к жанру запретов. Однако он полагает уместным выделять эти тексты в самостоятельный жанр, поскольку видит в них ряд особенностей, которые могут считаться жанровыми.

Жанр примет тоже стал известен фольклористам недавно. Записано всего 80 примет. Они подразделяются на 2 группы: 1) приметы погоды, относящиеся к комплексу положительных знаний эвенского народа, и 2) приметы-суеверия, связанные так или иначе с системой традиционных воззрений, которая соотносится до известной меры с классификацией запретов — оберегов. В работе отмечается некоторая противоречивость данной классификации, выражающаяся в возможном отнесении одного текста сразу к двум разделам. Анализируется также структура примет, их язык, поэтика. В результате исследования автор приходит к выводу, что малые или афористические жанры эвенского фольклора — это весьма разнообразная в плане жанровой систематики и достаточно объемная в количественном отношении сфера устного народного творчества эвенов. Загадки, запреты, обереги, обычаи и предписания, приметы, бытующие у эвенов, теснейшим образом связаны с традиционной духовной и материальной культурой эвенского народа.

И. В. Кульганек

Н. М. Иванов. Монголизмы в топонимии Якутии

Институт гуманитарных исследований АН РС(Я). Якутск, 2001. 204 с.

Проблема монгольских лексических заимствований привлекала внимание многих исследователей лексики якутского языка — достаточно назвать О. Н. Бетлинг-ка, В. В. Радлова, Э. К. Пекарского, С. Калужинского, М. Стаховского, В. И. Рассадина, Е. И. Убрятюву, В. М. Наделяева, Л. Н. Харитоновна, Н. К. Антонова, Г. В. Попова и других тюркологов, монголистов и якутоведов. Однако обращение к такому сюжету, как монгольские элементы в топонимическом фонде якутского языка, отмечается впервые. Это обстоятельство необходимо приветствовать, особенно, если иметь в виду общую недостаточную научную изученность разноязычной топонимии Якутии, в которой могут быть выделены чукотско-камчатские, юагирские, тунгусские (эвенкийские и эвенские), тюркские топонимы (собственно якутские топонимы и, возможно, не-якутские топонимы с тюркской основой), топонимы, образованные от монгольских лексических единиц, и наконец, разновременные русскоязычные топонимы.

Во введении к книге (с. 3—15) автор довольно подробно освещает разные взгляды на формирование якутского языка и проблему удельного веса монгольской лексики в словарном фонде этого языка. Он отмечает существование двух точек зрения на генезис якутского языка: «1) якутский язык, будучи изначально тюркским языком, впитал в себя иноязычные элементы на последующих стадиях развития; 2) якутский язык является языком нетюркского происхождения, тюркизированной в позднейшие периоды своего развития» (с. 5). Последняя точка зрения, сформулированная В. В. Радловым в 1908 г., как нам представляется, ныне имеет чисто исторический интерес, поскольку дальнейшие исследования якутской лексики не позволили установить в ней системного присутствия лексики какого-либо языка из известных нам семей и групп языков Сибири, а разнообразные (и характерные в основном для диалектов якутского языка) заимствования из палеоазиатских и тунгусских языков явно составляют в его фонде маргинальные проявления субстрата или адстрата, но никак не основу. Хотя В. В. Радлов подсчитал, что в якутском языке 25,9 % слов могут быть отнесены к словам монгольского происхождения, все же основа словарного состава и грамматический строй однозначно свидетельствуют, что якутский язык относится к тюркской группе, даже если он и испытал длительное, разновременное и, возможно, разнодиалектное монгольское влияние.

Н. М. Иванов явно симпатизирует и полностью доверяет выводам исследований Н. К. Антонова и В. И. Рассадина, согласно которым первыми племенами, заселившими Якутию, были монгольские племена, а тюркоязычные обитатели ее являются более поздними пришельцами (с. 10—11, 170). Не исключено, что именно эти симпатии стали решающими в выборе темы, выборе региона для полевых исследований топо-

нимии (Таттинский улус и наслеги Кангаласского и Нюрбинского улусов: см. с. 4) и в формировании некоторых выводов.

Сама по себе исследовательская топонимическая часть работы выполнена на высоком научном уровне. Существенно, что автору удалось выявить некоторые топонимы-монголизмы, не соотносимые с монгольским лексическим компонентом якутского языка (с. 172). Впрочем, среди монгольского лексического фонда якутского языка присутствуют такие явно монгольские слова, которые не имеют точных параллелей в современных монгольских языках или же относятся к весьма редким словам, встречающимся только в отдельных языках или диалектах. То обстоятельство, что топонимы с монгольской основой образуются от географических апеллятивов, а последние могут включать и самые разнообразие группы лексики в переносных значениях, существенно осложняет задачи установления того, кем же было произведено имянаречение известных географических объектов — монголами, жившими в этих местах до якутов, как это предполагает автор, или же якутами, заимствовавшими соответствующие апеллятивы у монголов. Надо признать, что этот вопрос не находит однозначного решения в рецензируемой работе, и, возможно, в принципе не может найти решения в рамках лингвистической топонимии, которой занят автор, или в изучении частных изоглосс. Эта проблема может быть решена только при фронтальном ареальном исследовании всего топонимического массива центральной Якутии, или всей территории Якутии. Только такой метод может выявить концентрацию монголоязычных топонимов в каких-либо регионах и соответственно ставить вопрос о заселении этих регионов монголоязычными группами, но и в этом случае будет чрезвычайно трудно установить, имеют ли такие топонимы субстратный или суперстратный характер, то есть принадлежат ли они раннему или же, наоборот, позднему населению.

Библиография к книге (с. 174—184) учитывает достаточно большое количество работ по тюркоязычной и монголоязычной топонимике Сибири и является весьма информативной. Можно только посоветовать, что в ней не отражены труды по якутскому языку, написанные на иностранных языках, включая и упомянутую выше работу В. В. Радлова.

В приложениях к книге помещены список информаторов (с. 188), список топонимов монгольского происхождения, в котором многие топонимы выявлены автором (с. 189—194), и семь карт (с. 195—203), показывающих распространение разнотипных топонимов монгольского происхождения в Якутии.

Очевидно, нельзя ставить в вину автору книги то, что топонимика отдельных улусов и наслегов Якутии в его работе исследована неравномерно, хотя повы-

шенное внимание к топонимике центральной Якутии могло существенно повлиять на представление материала и на основные этноисторические выводы работы. Стоит обратить внимание на то, что материал для сравнения монголоязычных топонимов со словами монгольских языков в книге выглядит разрозненным, и распространенность той или иной лексической единицы в монгольских языках не показывается. Между тем при изучении монгольских элементов как в лексике якутского языка, так и в топонимике, нельзя приводить в качестве сравнительного материала разрозненные примеры из монгольского, бурятского и калмыцкого языков — необходимо специально оговаривать,

в каких именно монгольских языках присутствует та или иная лексема и в каких языках она не отмечается. Только таким образом можно реально проследить связь монголоязычного компонента якутского языка с халхаскими, бурятскими, ойратскими и иными диалектами.

Несмотря на некоторые замечания и критические соображения, работа Н. М. Иванова является весьма полезной как для монголоведов, так и для исследователей якутского языка, а также для специалистов по топонимике Якутии и Сибири в целом.

А. А. Бурькин

А. Д. Насилов. «Восемнадцать степных законов»**Памятник монгольского права XVI—XVII вв.***Петербургское Востоковедение. СПб., 2002. 160 с.*

Данная монография принадлежит к числу пока еще редких в современном отечественном монгольском источниковедении работ, в которых филологический анализ сочетается с историко-социальной проработкой материала. Она восполняет новыми фактами период в истории Монголии (XVI—XVII вв.), который оказал существенное влияние на весь последующий ход эволюции монгольского общества, особенно в сфере социально-экономического развития.

Настоящая монография вводит в научный оборот пространный правовой памятник (его перевод и научную разработку), в ней представлен целый ряд ценных наблюдений над характером общества Монголии XVI—XVII вв. Комплексное изучение «Восемнадцати степных законов» позволяет определить их место в кругу известных и уже достаточно глубоко исследованных других аналогичных юридических текстов, таких как «Яса Чингис-хана», относящаяся к периоду зарождения монгольского феодального права, «Великое уложение» 1640 г. и сборник законов «Халха Джирум» XVIII в., которые наиболее близки к ним хронологически.

Монография состоит из введения, четырёх глав, заключения и приложения, нескольких указателей, списков использованных источников и литературы.

Полный перевод памятника «Восемнадцать степных законов» осуществлен на основе публикации Х. Пэрлээ (1974 г.), он имеет комментарий, в котором поясняются термины, географические названия, раскрываются собственные имена и даются лингвистические справки.

Две первые главы книги посвящены историографии монгольского права и описанию самого памятника, который явился, как удалось установить автору, непосредственным письменным источником для составления уложений. Здесь перечислены и охарактеризованы все основные кодексы XIII—XVIII вв. В 3-й главе рассматривается сословно-классовая структура средневекового монгольского общества и админист-

ративное устройство Халхи, в 4-й — характеризуется монгольское право (система наказаний, процессуальное, гражданское, уголовное, административное, военное право). Автор признает как самый факт развития законодательства, так и преемственность в этом развитии. Оказалось возможным вычлнить основы процессуального, гражданского, уголовного, административного, военного права.

Автор считает, что действие законов распространялось на всю территорию Халхи, несмотря на феодальную раздробленность. Существование общего названия государства, съездов феодалов говорит о тенденции к единству, однако многократные повторения запретов аналогичного содержания в законах свидетельствуют скорее о недостаточном их использовании повсеместно, считает автор.

В заключении справедливо подчеркивается политическое значение рассматриваемых законов, отражающих подспудную тенденцию к объединению в условиях феодальной раздробленности и на идеологической базе единой религии — ламаизма.

Автор пришел к выводу, что, несмотря на существовавшую раздробленность, Халха представляла собой не расплывающееся аморфное образование, состоящее из аймаков и ханств, что в Халхе четко формировалась тенденция к созданию единого государственного объединения. Одним из проявлений этой тенденции было существование общехалхаского законодательства. Важен также вывод автора о существовании преемственности в монгольском праве. «Великое уложение» 1640 г. явилось развитием действовавших ранее письменных законодательных актов конца XVI—первой трети XVII в.

Монография является важным шагом в развитии отечественного монголоведения, способствуя его успехам в области изучения истории Халхи конца XVI—начала XVII в.

А. М. Решетов

Л. Г. Скородумова. Драгоценные четки Монгольский роман. Эволюция жанра

Эрдэнийн эрхи буюу монгол романы тухээс. Улаанбаатар, 2002. 144 с.

Данная монография посвящена разработке теоретических проблем эволюции жанра романа в монгольской литературе. Роман рассматривается в историческом аспекте и во взаимоотношении с другими жанрами монгольской литературы. Исследуется степень фольклорного и литературного влияния на формирование крупных повествовательных форм монгольской литературы, которые были широко представлены на всех этапах развития монгольской словесности.

Автор связывает появление романа в Монголии с движением просветительства на Дальнем Востоке, которое повлияло на характер и качество литературных связей, появление новых прозаических жанров, занявших место поэзии и высокой дидактической буддийской прозы. Автор считает, что монгольский роман окончательно сформировался в 70-е годы XX в., а последние два десятилетия крупные жанры повествовательной монгольской литературы, такие как повесть, роман, переживают бурный подъем, что связано с изменением общественного сознания в монгольском обществе, которое характеризуется углубленным многосторонним изучением процессов, происходящих в монгольском обществе.

Автор назвал свою книгу «Драгоценные четки» (монг. «Эрдэнийн эрхи») по названию одного из монгольских повествовательных жанров, *эрхи*, в котором сюжеты следуют один за другим, подобно нанизаным друг на друга четкам. Это жанровое определение применялось в средневековой письменной литературе, наряду с такими, как *тууж*, *цадиг*, *намтар*, *товчоо*, *шастир*, *судар*, *дэвтэр* и др., которые можно было бы с определенными допущениями передать следующим образом: история, жизнеописание, биография, повествование, летопись, исследование, хрестоматия.

Книга имеет четыре главы: «Литературные традиции», «В. Инжинаш — предтеча монгольского романа», «Роман в системе жанров монгольской литературы XX в.», «Монгольский роман последних десятилетий XX в.». В конце монографии имеется библиография монгольского романа из 225 названий произведений второй половины XX в. и библиография произведений

о монгольском романе из 213 монографий и научных статей на русском, монгольском и европейских языках.

Автор исследует литературные традиции, анализируя жанровое мышление, летописные традиции, процессы в литературе XIX в. как нового этапа развития монгольской словесности, зачатки реализма, существование переводной литературы на примере монголо-тибетских, монголо-китайских и монголо-индийских связей. Вторая глава посвящена Ванчинбалын Инжинашу (1837—1892), поэту, ученому, художнику и, что самое знаменательное для монгольской культуры, основоположнику монгольского романа. Он явился автором первых романов на монгольском языке: «Слезы красных», «Одноэтажный павильон», «Палата красных слез», «Синяя сутра». Сообщаются биографические данные о жизни писателя, анализируется идейное содержание и художественные выразительные средства его произведений. Затем прослеживается развитие монгольского романа в монгольской литературе XX в.: усложнение системы жанров, появление повестей и романов нового времени. Л. Г. Скородумова исследует проблемы монгольского романа последнего десятилетия XX в., времени, когда устоявшиеся виды романа, такие как исторический роман, претерпели видимые изменения и появились новые романские типы — интеллектуальный роман, социально-бытовой роман. В настоящее время идет процесс интенсивного обновления художественного опыта литературы, который проявляется в бурном возрождении метафорического мышления, и в дальнейшем на судьбы монгольской литературы будет оказывать влияние «идушая от поэзии традиция органического сочетания лирического и реалистического начал». Автор органично приходит к выводу, что «повествовательная литература будет развивать традиционный жанр исторического романа *туухэн уран зохиол*, а с другой стороны, продолжится развитие реалистической традиции русской классики».

И. В. Кульганек

Монголоведение № 1

Научное издание. АПП. «Джангар» Элиста, 2002. 200 с.

Первый выпуск серийного изданий Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН посвящен Международному конгрессу монголоведов, который состоялся в августе 2002 г. в Улан-Баторе. В сборник вошли статьи отечественных и зарубежных ученых по языкознанию, фольклору, истории, культуре Монголии и Калмыкии. Цель издания — познакомить читателя с достижениями и итогами развития отечественного, в частности калмыцкого, монголоведения. Важнейшим признаком монголоведческой науки является ее комплексный характер, поэтому основные направления первого сборника суть исследования сравнительно-типологического плана, публикация старописьменных памятников, разработка проблем этнической истории, литературы, фольклора монгольских народов.

В сборнике отражены этапы нескольких коллективных работ, которые ведутся в настоящее время в КИГИ РАН, это «История Калмыкии с древнейших времен до наших дней», «Свод калмыцкого фольклора», лингвистические исследования монгольских язы-

ков в сравнительно-сопоставительном плане. Нашли отражение и междисциплинарные — этнолингвистические, лингвофольклористические, лингвокультурологические исследования, а также религиоведческие, которые постепенно выходят на видное место в приоритетных темах института, чему способствует проводимая регулярно на базе института конференции по буддизму.

Сборник имеет разделы: «Структура и история языка», «Проблемы изучения старописьменных языков», «Фольклор. Культура. Этнография», «История», «Публикации», «Материалы и сообщения», «Критика и библиография. Рецензии. Обзоры».

Всего в сборнике представлено 22 статьи и 5 рецензий. В издании приняли участие сотрудники института: Н. Б. Баграева, М. У. Монраев, Э. У. Омакаева, Э. П. Бакаева, Д. Б. Гедесева, Г. Ю. Бадмаева, Т. Г. Борджанова, П. Э. Алексеева и др.

И. В. Кульганек